

Список литературы

1 Мушинская, Т. Ф. Русская литература 20 века: учебное пособие для абитуриентов / Т. Ф. Мушинская. – Минск: ООО «Юнипресс», 2003. – С. 35–74.

2 Куприн, А. Повести и рассказы / А. И. Куприн. – Минск: «Маст. літ.», 1974. – 470 с.

УДК 821.161.1 – 32*Л. Н. Толстой: 159.923.2

А. А. Руденкова

Научн. рук. – Н. П. Капшай, канд. филол. наук, доцент

ИНИЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ПОСЛЕ БАЛА»

В статье на основе содержания рассказа Л. Н. Толстого «После бала» рассматриваются актуальные проблемы становления личности в переходный период развития. Прочтение рассказа в мифологическом ключе открывает скрытые мотивы поведения персонажей, обогащает содержание произведения и усиливает его антиобщественный пафос, доказывая, что без так называемых преобразованных «инициальных обрядов» взросление не может быть полноценным.

Актуальность исследования проблемы становления личности в переходный период обусловлена рядом факторов. Так, подростковый возраст, будучи переходом от детства к взрослости, сам по себе является нелегким, кризисным в становлении личности. Кризис переходного возраста в самые разные исторические эпохи проявляется в побегах подростков из дома, стремлении к самостоятельности и независимости, желании рискнуть и испытывать себя «на прочность», утверждении своего лидерства в группе ровесников, разрушении родительской привязанности к родителям, ранней сексуальности, испытании себя болью, стремлении к героизму, жертвенности и поиску кумиров и т. д.

К проблемам переходного возраста неоднократно обращался Л. Н. Толстой. Однако в литературоведении художественные наблюдения автора «Детства. Отрочества. Юности» и «Войны и мира» в контексте инициальных процессов становящейся личности достаточно исследованы.

База для разработки выдвигаемой для исследования проблемы создана такими известными учеными, как З. Фрейд, В. Пропп, Э. Фромм, М. Элиаде, А. ван Геннеп и другими. Ими сделан акцент на том, что в традиционном обществе умели смягчать трудности периода взросления и управлять им с помощью символических и ритуальных действий. Эти ритуальные действия имели общее название – обряды перехода, или обряды инициации.

Инициация была одним из «ритуалов перехода», сопутствующих наиболее важным социально-личностным изменениям в жизни человека: рождение, взросление, брак, зрелость, смерть и т. п. Выполнение «ритуала перехода» указывало на то, что «человек перешел с одного уровня развития на другой, например, с уровня инфантильного состояния на более высокий» [1, с. 28]. Совершение ритуала перехода давало право человеку вступить на новый уровень социального развития, т. е. как бы сдать экзамен на новый уровень духовной и социальной зрелости и получить новые инструкции для правильного прохождения новой стадии жизни.

Инициальные обряды составляют сферу внимания этнографов, социологов, историков, культурологов. Нужно заметить, что в христианстве и других религиях также существуют различные обряды посвящения. Ими можно считать венчание, крещение, рукоположение в сан, первое причастие и другие.

Инициации, появившиеся еще в первобытное время, отвечали потребностям не только общества, но и отдельного человека. Современными психологами они трактуются как «проявления механизмов бессознательного»: «Исследования в глубинной психологии и мифологии показывают, что переживание “смерти – возрождения”, “перехода” есть архетипический процесс, т. е. проявление механизмов бессознательного (“коллективного бессознательного” по Юнгу)» [2, с. 508].

Тему возрастных кризисов в разное время затрагивали многие известные зарубежные и отечественные писатели, например, такие, как В. Набоков («Лолита»), В. Астафьев («Кража»), В. Короткевич («Колосья под серпом твоим»), Джеймс Олдридж («Последний дюйм») и другие.

Лев Николаевич Толстой в произведениях «Детство. Отрочество. Юность» и «Война и мир» описывает с психологической достоверностью те трудности, которые сопутствуют процессу взросления героев – Николеньки Иртеньева, Наташи Ростовской. Автору понятия «диалектика души» удается поведать о тайне ощущений, переживаний, влечений, сопровождающих переходный возраст.

Устойчивость и важность процесса инициации в творческом сознании Толстого подтверждает и обращение к ней в позднем рассказе «После бала» (1903 год). Действия и поступки главного героя произведения Ивана Васильевича органично вписываются в традиции возрастных посвящений. Надо отметить, что одними из первых интерпретацию рассказа в мифологическом ключе предложили А. Жолковский («Морфология и исторические корни рассказа Толстого «После бала») и Е. Яблоков («Толстовский подтекст в рассказе Бунина «Чистый понедельник»). Оба исследователя указывают на тесную взаимосвязь сюжета рассказа с архетипическими мотивами инициации.

Явное доказательство присутствия в рассказе преобразованного и «перерожденного» временем и социумом обряда перехода – это сцена с избиением солдата, которую увидел Иван Васильевич наутро после бала. Жестокое избиение солдата шпицрутенами можно соотнести с принятым ритуалом посвящения. Посвящаемым в данном случае выступает наказываемый солдат. Посвящающим – полковник, отец возлюбленной Ивана Васильевича. Наказание шпицрутенами, или розгами, может прочитываться в данном контексте как ритуальное избиение. Так, например, известны славянские обряды битья веткой (розгой, палкой), совершаемые до или после Пасхи и в том числе в последнее воскресенье Великого поста, что ближе к сюжету рассказа «После бала». В семантике текста весьма значимо, что наказывали солдата в период Великого поста, а бал проводился в последний день масленицы, то есть в Прощеное воскресенье; соответственно, порка совершается в первый день Великого поста, или в Чистый понедельник.

Приуроченность событий к языческо-христианскому календарю сама по себе уже свидетельствует о том, насколько существен для Толстого культовый аспект жизни. С инициальными мотивами в этом плане взаимодействуют религиозные мотивы, поэтому пасхальный архетип играет здесь одну из главных ролей. Однако они представлены далекими от первоначального вида, принимают чудовищно искаженный, беспощадный вид. «Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидал между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пестрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека» [3].

Известно, что Прощеное воскресенье необходимо было встретить в чистоте духовной и телесной, также непременно нужно было попросить у всех родных и знакомых прощения и постараться простить других. Однако (что важно для понимания смысла рассказа) герой Иван Васильевич не мог простить Вареньке чудовищный проступок

ее отца: «Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет» [3]. По законам христианской культуры, Ивану Васильевичу следовало быть более щадящим в отношении к окружающим. Но в силу своей личностной незрелости и молодости с ее непременными импульсивностью, горячностью и максимализмом он не смог простить отца Вареньки и ее соответственно, за что в какой-то мере поплатился сам.

Фактически, молодой человек не смог завершить инициальный обряд, оказавшийся для юноши не то что неприятным, но чудовищно жестоким, что и сделало выполнение «ритуала» невозможным. И то, что осуществить переход на новый уровень своего социального и духовного развития юный Иван Васильевич не смог, явилось событием, предопределившим дальнейшее становление его личности.

Следующий немаловажный момент в рассказе: герой утверждал, что не мог понять того, что знали все и чего он один не мог знать. «Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, – думал я про полковника. – Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня» [3]. И далее: «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», – думал он и старался узнать это. Но сколько ни старался – и потом не мог узнать этого. А, не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда не годился» [3].

Размышления героя с точки зрения инициального обряда можно истолковать следующим образом: молодой человек стремится принять так называемое «тайное знание», которым, как ему казалось, обладают окружающие его взрослые люди, но в силу своей неопытности и неподготовленности, не проходя «обряд посвящения», принятый в данном обществе, лишается возможности стать по-настоящему зрелым. Чтобы осуществить обряд инициации, человеку необходимо было полностью подчиниться тем правилам, без которых переход ко взрослости считался бы незавершенным, а значит, безропотно следовать подчас жестоким законам этого обряда. Иван Васильевич не желал подчиняться диким, варварским правилам, бытовавшим среди военных, поэтому не был готов пойти служить.

Здесь как важное необходимо добавить то, что непереносимое условие для проведения инициации – это готовность иницируемого. Если человек еще «не созрел», если так называемый «другой» в человеке

еще не разбужен – инициация попросту не состоится. Критерий готовности к совершению обряда посвящения – убежденность в его необходимости и исключительной значимости. Но так как герой Толстого не смог даже обосновать правомерность истязаний солдата, более того, он был категорически против этого, то ни о каком постижении «тайных знаний» не могло быть и речи.

Именно это обстоятельство со всей очевидностью предсказывает, что герой окажется «никуда не годен». Не годен, потому что внутренне сопротивляется тем порядкам, что бытовали во времена правления Николая I «Палкина». Прозвище императора появилось из-за введенного им жестокого телесного наказания – прогнания через строй. Суть наказания заключалась в следующем: осужденного заставляли проходить сквозь строй из 100–800 солдат, которые прутьями били по спине осужденного. В начале XIX века число ударов доходило до 6 тысяч¹. В этом случае «прогнание сквозь строй» было равносильно смертной казни. В России шпицрутены отменены 17 апреля 1863 года.

Как нам известно, татарина из рассказа «гоняли за побег»: «Солдаты в черных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтщик и, не переставая, повторяли все ту же неприятную, визгливую мелодию.

– Что это они делают? – спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

– Татарина гоняют за побег, – сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов» [3]. Таким образом, можно предположить, что солдат получил в наказание 1500 и более ударов шпицрутенами, а это была неминуемая смерть.

Теперь с полной ясностью можно объяснить непонятную самому Ивану Васильевичу его отчужденность от общества. Он не стремился поступить на службу в армию – не желал становиться убийцей. А общество не приняло того, кто отверг необходимые для успешного существования правила и обычаи.

¹ Мера наказания:

Удары шпицрутенами назначались за ошибки и нерадивость на строевых учениях, за неопрятность и неаккуратность форменной одежды (от 100 ударов и более), за пьянство (300–500 ударов), за воровство у товарищей (500 ударов), за побег (первый побег – 1500 ударов, второй – 2500–3000, третий – 4000–5000 ударов). Так, к примеру, часть солдат и матросов забили до смерти после неудавшегося восстания декабристов в Санкт-Петербурге 1825 года.

Однако, какими бы странными и нелепыми ни были обряды перехода, нельзя не учесть то обстоятельство, что они важны как для человека, так и для всего социума. Как утверждает известный исследователь мифологии М. Элиаде, «феномен “посвящения” постоянно сосуществует с подлинной жизнью человека. Человеческая жизнь полна глубинных кризисов, тревоги, потери и обретения самого себя, “смерти и воскрешения”. В моменты общего кризиса человечество прибегает к способам обновления, для того чтобы изменить жизнь» [4, с. 331]. Возможно, поэтому многие литераторы обращаются к опыту прошлых культур, пытаясь обнаружить там модели и «рецепты» для решения проблем подросткового возраста.

Таким образом, углубляясь в скрытые и непонятные самому персонажу мотивы поступков, можно с уверенностью утверждать, что незавершенность инициального процесса в становлении личности Ивана Васильевича сыграла судьбоносную роль. Реконструированный подтекст к тому же еще в большей степени усиливает антиобщественный пафос рассказа Л. Н. Толстого «После бала».

Список литературы

1 Мухина, В. С. Развитие личности подростка в условиях социально-психологических инициаций во временных объединениях / В. С. Мухина // Развитие личности. – 2001. – № 2. – С. 27–52.

2 Фундаментальная социология: в 15 т. / под ред. В. И. Добренкова, А. И. Кравченко – М.: Инфра – М, 2004. – Т. 5. – 1096 с.

3 Л. Н. Толстой. После бала [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/1005/p.1/index.html/>. – Дата доступа: 27.05.2013.

4 Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения [Текст] / М. Элиаде. – М.: Университетская книга, 1998. – 368 с.

*УДК 821.161.3 – 192*Акулін*

Н. В. Смірнова

Навук. кiр. – А. В. Брадзіхіна, канд. філал. навук, дацэнт

ЖАНР БАРДАЎСКОЙ ПЕСНІ Ў ТВОРЧАСЦІ ЭДУАРДА АКУЛІНА

Дадзены артыкул прысвечаны агляду творчых набыткаў Эдуарда Акуліна ў галіне бардаўскай песні. Мэта работы – выявіць адметныя